

Мы прилетаем в Ташкент, когда он еще спит, но даже в шесть утра в воздухе чувствуется сытный запах густого мясного бульона, специй и жареного чеснока. В букет вплетаются сладкие нотки цветущих урюков и яблонь. К туристам в столице относятся с подозрением: мол, что тут смотреть, основная красота в Самарканде и Бухаре. Но эти слова, сказанные заспанным таксистом, далеки от правды. Хотя бы потому, что Ташкент не боится пространства. Оно повсюду: в широченных проспектах и аллеях, в душистых парках и садах. Как большие медузы парят над городом просторные и светлые здания с куполообразными крышами.

Старый город, отделенный от более европейского нового широкой дорогой (на ее месте раньше было русло канала Анхор), представляет собой низенькие кварталы, махалли. Можно, словно по лабиринту, долго тупать по узким тенистым улицам и переулкам, чтобы в итоге оказаться посреди чьего-нибудь двора. Окна и двери, разумеется, настежь.

Европейская же часть активно застраивается гостиницами и ресторанами, становясь все более парадной. Напротив некогда уютного сквера Амира Темура вырос белый айсберг. Это Дворец форумов, который до того помпезен, что к нему даже не разрешается подходить, тем более фотографировать.

Сквер переименовали в площадь, и неспроста: местную гордость — столетние платаны — вырубili. По официальной версии, потому что из-за них невозможно лицезреть дворец со всех сторон. Неофициальных версий две. Первая, платаны якобы вызвали аллергию у жены главы государства, и постройка белокаменного дива наконец дала повод убрать докучливые деревья. Вторая версия хоть и менее романтична, но более правдоподобна: к своему народу, мирному и нешумному, власти страны относятся все же с опаской. Потому деревья решено было спилить: соро-

Мустакиллик — центральная площадь Ташкента, здесь расположены административные здания кабинета министров и сената. Вход на площадь украшает Арка добрых и благородных устремлений, увенчанная изображениями аистов.

Справа: отыскать секрет «пловной амброзии» можно на самом большом рынке Ташкента, Чорсу, под огромным куполом, через который пробиваются лучи солнца. Ценников нет, и продавцы по восточной традиции торгуются до последнего

каградусная жара отбивает всякое желание митинговать, да и милиции, если что, удобнее работать.

Вниз от площади тянется широкий пешеходный проспект Сайилгох, который чаще называют Бродвеем. Но поскольку вслед за платанами из центра исчезли уличные кафешки и музыканты, местные ходят сюда скорее по инерции. От былой радости остался только крохотный прудик, где печально плавают два лебедя. Туристы их отчаянно фотографируют, а горожане подкармливают — вот и все шоу.

На постамент посреди парка, где раньше стоял обязательный памятник Ленину, гордо водружен глобус, сделанный по личному проекту президента Ислама Каримова. На нем всего одна страна — конечно, Узбекистан. В этом же парке находится здание республиканского парламента — сената, — огороженное рвом, забором и кольцом стражей порядка.

«Узбекского плова» не бывает — есть ферганский, бухарский, самаркандский, кашкадарьинский и десяток других. Чтобы попробовать самый знаменитый — ташкентский свадебный — придется напроситься к кому-нибудь на праздник, найти его в ресторанах практически невозможно

УЗБЕКИСТАН

Виза гражданам РФ не требуется.

Сезон Лучшее время ехать весной, когда еще не сильно печет солнце, но уже тепло. С июня до конца сентября стоит жара, положение усугубляется наплывом иностранцев и взлетом цен на жилье, питание, сувениры и транспорт.

Отель 4* в Самарканде и Бухаре — \$65-100.

Еда Обед или ужин будут стоить не дороже ланча в московской кофейне.

Несмотря на общее ощущение, что Ташкент состоит из осколков старых эпох, на которых ловко воздвигнуты новые идеологии, в городе остались места, где жизнь по-прежнему не только кипит, но и жарится. В «Центре плова» каждый день, с 9 утра до середины дня, готовят что-то вроде бизнес-завтрака, который плавно переходит в ланч. Мы оказываемся там в полдень, когда три гигантских казана практически пусты. Но в просторном зале еще полно народу: и работяг, и людей в стильных черных костюмах. Порция умопомрачительного плова с кониной и перепелиными яйцами стоит порядка 90 рублей.

Ехать одно удовольствие — от Ташкента до Самарканда 360 километров прекрасной дороги. Помню, впервые я прочла об этом городе в романе американского писателя Клайва Баркера, который так описывал Самарканд многовековой давности: «...Нигде власти не были так мудры и могущественны и не обладали такими несметными сокровищами. Дворцы, которые они строили, дабы потешить свою гордость, и мечети, которые они возводили, дабы спасти свои души, не знали себе равных. И если всех этих красот недостаточно — в самом местоположении этого города было нечто чудесное, ибо со всех сторон его окружала бескрайняя пустыня». Самарканд сегодняшней вряд ли помнит мудрость былых правителей, но по-прежнему заботится об их несметных богатствах. Время, оставив городу славу, принесло толпы любопытных туристов со всего света (в большинстве своем пенсионеров), которые бродят по улицам и базарам в поисках очередного архитектурного реликта.

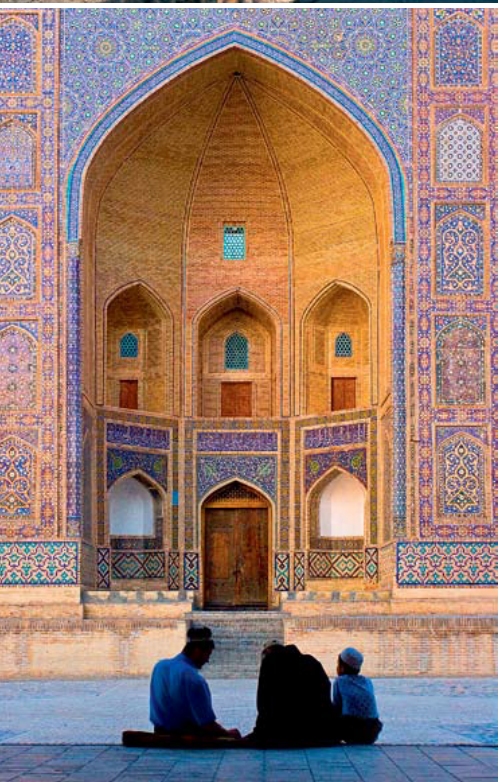
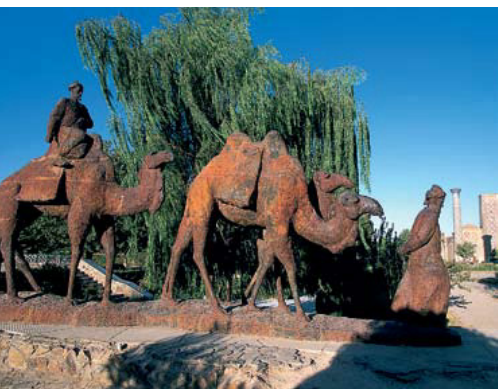
На центральной площади Регистан захватывает дух. Массивные здания трех древних медресе (высших мусульманских школ) сочетают четкие прямоугольные формы фасадов и конусы башен с куполами. Эти сияющие лазурью эмалевые миражи сливаются с небом, составляя с ним

Вверху: Ургут, расположенный в 44 км от Самарканда, славится тысячами чинарами и Старым рынком, на котором торгуют абсолютно всем — от тканей и украшений до лошадей и коров Внизу: в начале XV века на площади Регистан в Самарканде было построено медресе Улугбека, в XVII веке архитектурный комплекс площади завершили медресе Тилля-Кари (в центре) и Шер-Дор (справа)

единое целое. Именно искристый голубой цвет рождает ощущение прохлады, которое очень важно для здешнего климата: температура летом достигает 40–50°C. По этой же причине двери в медресе делали крохотными, а над ними всегда вырезали окно с узорами. Для того чтобы горячий воздух, входящий через дверь, поднимался вверх и выходил через окно, оставляя стены холодными.

Вход на площадь платный: \$10 для иностранцев и в сто раз меньше для своих. Миллионер, проверяющий билетики, внезапно понижает голос и заговорщицки спрашивает: «На минарет хотите?» Естественно, хотим. Что ж, это обойдется нам еще в \$10 с носа. Официально туристов на минарет не пускают, →

Памятник «Великий шелковый путь» не случайно установили в Самарканде – этот город находился на пересечении караванных путей знаменитой торговой дороги Азии. В советские времена медресе Мир-и-Араб, построенное в середине XVI века, было единственным действующим духовным мусульманским учебным заведением на всей территории Союза

поскольку он, словно Пизанская башня, наклонен в одну сторону: есть вероятность, что посетители сделают то, что не удалось свершить столетиям. Дорога к минарету лежит через ветхую резную дверь с внушительным замком. Страж порядка отпирает его, оглядываясь по сторонам: «Там сейчас два австрийца. Если будут спрашивать, во сколько обошлась экскурсия, скажите, что в €20 с человека, – и, оправдываясь, добавляет: – Понимаете, это же секретный бизнес...»

Спустя сотню высоких ступенек и приступы клаустрофобии мы упираемся в стропила. Наполовину отогнутый лист кровельного железа позволяет до пояса высунуться из дырки в крыше и охватить взглядом песочно-голубой Самарканд. Вид похож на мозаику: сапфирами переливаются купола мечетей, медленно качаются изумрудные кроны деревьев.

В бывших кельях медресе расположились сувенирные магазинчики. Здесь продают ручной работы скатерти и покрывала-сюзаны, посуду со знаменитыми самаркандскими мотивами и, конечно, ковры. Они заслуживают отдельного внимания. Шелк переливается в зависимости от угла зрения, а стоимость тем выше, чем больше узелков на квадратном сантиметре.

Несмотря на вкрапления вездесущего китайского ширпотреба, эти лавки, как встарь, не просто место для отпускного шопинга. В каком-то смысле это мини-музеи, напоминающие о великих днях Самарканда. Здесь, исследуя дорогие и красивые вещи, прикасаешься к мастерству, передававшемуся из поколения в поколение.

СИЯЮЩИЕ ЛАЗУРЬЮ ЭМАЛЕВЫЕ МИРАЖИ СЛИВАЮТСЯ С НЕБОМ И РОЖДАЮТ ОЩУЩЕНИЕ ПРОХЛАДЫ

Неподалеку от Регистана находится еще один архитектурный комплекс с мавзолеем Гур-Эмир (здесь похоронен великий Тамерлан) и мечетью Биби-Ханум. Со стен местами опадает эмаль, и на ее месте проглядывает старинный узор. Некогда голубая облицовка превращается в желтую. Во дворе стоят огромные тутовники, из их длинных мягких ветвей льется ягодный дождь. Скукающие зрители и туристы лениво ловят ягоды руками, одну из них мне даже удается поймать ртом. Клайв Баркер прав: «То, что в любом другом месте на Земле считалось бы дивом, для Самарканда – явление самое заурядное».

И в то же время современный Самарканд – это туристическая воронка, где к толпам приезжих прилагаются не только роскошные гостиницы и рестораны, но и, к сожалению, пагубное представление о туристах как о дойных коровах, с соответствующим к ним отношением. Здесь легко почувствовать красоту древности, но прикоснуться к ней практически невозможно – слишком многое затерто реконструкциями и навязчивым сервисом. За настоящей стариной мы отправились в Бухару. →

ФОТО: LEGION MEDIA, GETTY IMAGES/PHOTOBANK.COM, GEO PHOTO.RU

Мавзолейный комплекс Шахи-Зинда («Живой царь») был построен в конце XIV века. По легенде, казненный за веру Кусам ибн Аббасе, двоюродный брат пророка Мухаммеда, сумел взять свою голову и спуститься в колодец, где с тех пор и живет

